

18+

ПРАВО НА ТУМАН

ТАТЬЯНА СЕРЯКОВА

Татьяна Серякова

Право на туман

«Издательские решения»

Серякова Т.

Право на туман / Т. Серякова — «Издательские решения»,

Что, если бы вам выпал шанс? Шанс вернуться в прошлое и попытаться изменить свою судьбу? А вот Саше выпал. И ведь она даже не просила. В одночасье она потеряла всё: мужа, дочку, друзей, работу... Но кое-что и вернула. Как теперь ей быть? Попытаться перекроить будущее — или оставить всё как есть и плыть по течению? «Право на туман» — это честная, глубокая история о выборе, который мы делаем каждый день. О страхе, который мешает нам быть собой. И о любви, которая сильнее любых преград.

© Серякова Т.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Борьба	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Право на туман

Татьяна Серякова

© Татьяна Серякова, 2026

ISBN 978-5-0070-5769-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Борьба

Глава 1

Сигнал будильника на телефоне вернул Александру из забытья. Вибрация мягко прошлась по подушке, и рука сама, почти во сне, нащупала экран и остановила звук быстрым нажатием.

4:30.

Саша прислушалась, не открывая глаз. Раскатистый, ровный храп отца, доносившийся из соседней комнаты, коснулся её ушей благословенной музыкой. Этот звук, всегда раздражавший её по утрам, сегодня служил верным знаком к незаметному побегу.

«Спят. Надеюсь, успею, — подумала она. — А вот дождя не слышно. Кончился. Значит, он придёт. Сегодня обязательно придёт! Потому что вечером моросило... Но он не будет ждать. Надо поторопиться», — тревожно проносилось в голове.

Саша открыла глаза и обвела взглядом комнату. Свет от усталого уличного фонаря вяло сочился сквозь неплотно сдвинутые шторы, выхватывая из темноты очертания мебели.

На стуле — большая холщовая сумка. Необходимые вещи внутри. Этюдник, старый верный друг, прислонён к двери. Всё на месте и ждёт своего часа. Она мысленно проверила то, что приготовила с вечера. Кофта — в коридоре. Не забыть бы. Дверные петли больше не скрипят — смазала заранее. Балетки спрятаны на веранде, за ящиком. Всё готово. Пора.

Девушка села на край кровати.

«Может, не сто́ит? Вдруг узнают? — словно лезвием полоснуло по её расчётливым мыслям. — Что за дурацкая черта?! Опять сомнения! Да пусть узнают! Главное — сейчас незаметно улизнуть. А там будь что будет».

Палец правой ноги коснулся прохладного пола, сметая тем самым последние крохи неуверенности. Александра решительно скинула одеяло и опустила вторую ногу. Джинсовые шорты и свободная футболка — всё это уже было на ней с вечера. Саша ловко замотала длинные чёрные кудри в пучок и зафиксировала резинкой, стянутой с запястья. Готово!

Девушка, боясь нарушить тишину, медленно поднялась, перекинула через плечо сумку, подхватила этюдник и выскользнула из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Дачный домик был скромным, но уютным. Здесь Саша обожала бывать летом — подальше от городской суеты, тяжёлого воздуха, нескончаемого потока машин на пыльных улицах и сложных соседей по лестничной площадке. К счастью для Саши, в доме не было ни скрипучих половиц, ни второго этажа — идеальные условия для незаметных побегов. Оставалось лишь миновать спальню родителей и небольшую гостиную.

Двигалась она бесшумно, походкой лазутчика, но с осанкой балерины. Сказывались годы маминих напоминаний: «Не сутулься, плечи разверни, живот втяни».

Осторожно, на цыпочках, она преодолела первый рубеж — комнату родителей. Лишь на секунду замерла у приоткрытой двери: храп отца сбился, когда он повернулся на бок. Но как только дыхание снова стало ровным и мерным, Саша двинулась дальше.

Ей казалось: сокращая расстояние между собой и тем, к чему так спешила, она шаг за шагом вырывала своё право на него. С каждым движением она будто отвоёвывала свою свободу.

По гостиной она кралась уже чуть смелее, но всё равно ощущала себя преступницей. Для девушки, которую всегда учили жить по правилам, это чувство было странным и непривычным.

Сейчас Саша шла наперекор — возможно, впервые в жизни. Чего, казалось бы, такого: сбежать под утро от родителей на час-полтора?

Просто. Ясно. Но только не для Александры. Нарушать запреты было не по её части. Именно поэтому сердце бешено колотилось, а руки дрожали.

У Саши не было привычки уходить из дома, не предупредив. И рисовать она старалась в тайне — пока мама с папой были на работе, чтобы не видеть пренебрежительный взгляд отца поверх очков. Или маму: как она закатывает глаза, цокает языком и глубоко вздыхает — будто специально, чтобы показать своё недовольство. И не слышать это их постоянное: «А ты всё рисуешь... Никак не перестанешь этой ерундой заниматься...»

Поэтому, когда девушка слышала звук подъезжавшей к дому машины или поворот ключа в замочной скважине, быстро закрывала краски, прятала этюдник в шкаф подальше от родительских глаз и делала вид, что во время их отсутствия читала.

Тем временем Саша незаметно подошла к двери. Вот он — выход. Оставалось только переступить порог, и свобода...

«Щёлк!» — разнеслось по коридору.

Тише и не получилось бы — она знала.

Откуда-то взялся Мотя — старый рыжий кот. Мурлыкая, он стал тереться о щиколотку хозяйки, а хвост, словно змея, обвился вокруг её ноги и зацекотал коленку.

«Вот вечный ты предатель. Всегда лезешь, когда не надо. Всё просчитала, кроме тебя», — с досадой подумала Саша.

— Уйди. Не мешай! — не удержавшись, шикнула она и отпихнула кота ногой.

Тот, подчинившись, вальяжно отправился на место. А Саша быстро скрылась за дверью.

Снаружи, на открытой веранде, она громко выдохнула. Вот оно — «отлегло от сердца». Прочувствованное каждой клеточкой физическое облегчение. Теперь её никто не остановит. Нужно только отойти подальше от окон дома.

Даже воздух снаружи казался другим — лёгким, свободным. Его освежающая прохлада тут же напомнила Саше: кофта! Забыла. В коридоре на вешалке.

Эх, Мотя!

Но возвращаться сейчас грозило провалом, и девушка, злясь на свою забывчивость, решила идти так, без кофты. Не важно. Важно другое...

Мокрые от утренней влаги балетки противно хлюпали. По рукам побежали мурашки. Саша поправила сумку, обеими руками прижала этюдник к груди и пошла быстрее, стараясь не обращать внимания на все мелкие неприятности.

Она не переживала, что папа проснётся. Она знала: он спит крепко, особенно под утро. Но вот мама... Мама, скорее всего, заметит отсутствие дочери раньше, чем та успеет вернуться.

Ну и пусть!

Мама и правда заметила. Её чуткий материнский сон, даже спустя пятнадцать лет с момента появления на свет единственного ребёнка, прерывался от любого постороннего звука — будто срабатывал невидимый щелчок где-то в глубине подсознания.

Что разбудило её на этот раз? Может, Сашина возня у выхода. Может, звук замка. А может, и не звук вовсе, а просто малейшее изменение тишины, движение воздуха или само ощущение, что дочь уходит.

Кто знает?

Странно, но мама не обращала внимания на храп своего мужа. Она приспособилась к нему за столько лет. Для неё он стал естественным, хотя и напоминал раскаты грома. Под эти звуки она могла засыпать и спать спокойно всю ночь. Но здесь совсем другое...

Анна Владимировна не спеша поднялась с кровати, тихо подошла к комнате дочери и заглянула внутрь. Не показалось. Сашенька ушла.

Глубоко вздохнув, она решила пойти в кухню, чтобы приготовить кофе. Какой теперь сон?

Нет, она не беспокоилась за дочь. Она знала, где та может быть. В голове уже давно занозой застряло другое: «Мы лишаем нашу дочь права выбирать!» И эту занозу ей никак не удавалось вытащить.

Анна Владимировна медленно, почти бессознательно насыпала кофе в турку, включила плиту... Руки делали своё дело, а мысли были далеко.

«Но это же для неё... Во благо...» — успокаивала она себя. А всё равно было больно. Она знала: одержимость её дочери просто так не пройдёт. С годами эта страсть к искусству будет только набирать силу. Огонёк в душе будет лишь сильнее разгораться от их запретов, превращаясь в пламя. Она знала это по себе...

А её Сашенька тем временем с упорством пробиралась к берегу пруда. Вредная трава хлестала её по икрам, оставляя мокрые полосы. Острые ветки надоедливо цеплялись за волосы. Холод забирался под футболку и кусал спину ледяными зубами. Но она старалась этого не замечать. Шла, как заворожённая.

Она торопилась. Хотела прийти до его появления, чтобы успеть подготовиться. Суэта была ей чужда — только размеренность, только порядок. Странная черта для художницы. Но такая уж она была.

Саша вышла к пруду, когда ещё не все звёзды погасли. Небо оставалось тёмным и глубоким, лишь на востоке занималась бледная, робкая заря — едва заметная светлая полоска у самого горизонта.

Успела. Его ещё нет.

Вот камень — постоянный зритель и вечный хранитель этого дивного места. Огромный, шершавый, обычно тёплый и ласковый. Всегда свой, родной. Но сидеть на нём сегодня Саша не решилась — слишком сырой и холодный. Вместо этого она поставила на камень этюдник, а сама собралась работать на коленях.

Расстегнула сумку, достала планшет с натянутой бумагой и вставила его в этюдник, закрепив клипсами по углам. Внутри, в пластиковом пенале, лежали её любимые «Белые ночи» — двадцать четыре кюветы с акварелью. Краски были почти новыми, только самые ходовые цвета — ультрамарин и сиена жжёная — заметно поубавились.

Следом за красками юная художница достала баночку с водой, кисти разных размеров, старенькую палитру, тряпочку. Всё разложила рядом на плоской стороне камня — так, чтобы было под рукой.

Саша выпрямилась и стала ждать. Лёгкая дымка невесомым покрывалом едва касалась поверхности воды.

Холод уже не казался таким злым — она разогрелась от хлопот. Только пальцы всё равно мёрзли. Она подышала на них, растёрла и сцепила ладони, стараясь согреть.

Небо на востоке вдруг начало светлеть. Медленно, неохотно, словно кто-то невидимый поднимал тяжёлый бархатный занавес. Звёзды погасли одна за другой. И в этот момент ожил он. Тот, ради которого Александра проснулась среди ночи, бежала в тайне от родителей и мёрзла сейчас тоже ради него.

Туман...

Он поднимался из воды не спеша, величественно — как огромное белое существо, которое спало на дне пруда и наконец проснулось. Клубы молочного пара выползали из камышей, из низин, из каждой ложбинки. Они стелились по воде, перекатывались, переливались, словно живые.

Саша замерла, затаив дыхание.

Туман обволакивал деревья, делая их призрачными. Он прятал дальний берег, превращая пруд в бесконечное молочное море. Он поднимался к небу и там, наверху, смешивался с первыми розовыми лучами, окрашиваясь в нежные тона — от жемчужно-серого до бледно-сиреневого.

Это было не явление природы.

Это было чудо.

И оно было её.

Солнце ещё не показалось из-за горизонта, но его свет уже пробился сквозь туман. Тонкий, робкий золотой палец коснулся воды — и всё преобразилось.

Туман загорелся. Нет, не огнём — светом. Каждая мельчайшая капелька засветилась изнутри. Миллиарды крошечных бриллиантов повисли в воздухе, переливаясь, мерцая, дрожа. Туман стал розовым у горизонта, золотым у воды и лиловым в низинах.

«Скорее», — опомнилась Саша, опускаясь на колени перед этюдником.

Она схватила палитру, кисть. Пальцы не слушались. Они дрожали — то ли от холода, то ли от волнения.

«Спокойно, — приказала она себе. — Я всё успею. У меня получится».

Саша медленно выдохнула, смочила кисть и начала...

Она не рисовала туман. Она отпускала пойманное мгновение на бумагу. Вода тянула краску за собой, растекалась, смешивалась, создавая причудливые разводы. Девушка почти не управляла кистью, а только задавала направление. Всё остальное делал сам туман.

Сначала — бледная голубоватая дымка у горизонта. Чуть ниже — сероватые тени. Затем — розовый отблеск там, где луч коснулся воды.

Александра торопилась. Боялась не успеть. Боялась, что всё это исчезнет, растает, как утренний сон.

Вдруг из молока возникло неясное пятно — сначала тень, затем фигура, потом человек. Старик в телогрейке, с удочкой, складным стульчиком и ржавым ведром. Он приближался медленно, сапоги шлёпали по мокрой траве. Заметив девушку, он остановился. На лице мелькнуло удивление — не ожидал встретить кого-то в такую рань. Помедлив, рыбак разложил стульчик в нескольких шагах от увлечённой художницы, и тот жалобно скрипнул под ним.

Саша заметила человека краем глаза, но даже не повернула головы. Она работала быстро, жадно, забыв про холод, замёрзшие пальцы, да и про всё на свете.

Иногда она останавливалась, поднимала голову, всматривалась в туман — и снова опускала кисть.

Старик сначала долго молча наблюдал за девушкой, а после приподнялся, подошёл ближе и снял телогрейку. Из кармана выудил пакетик с приманкой, сунул его в ведро, а телогрейку бережно повесил ей на плечи.

— Держи, внушка. Замёрзла, небось.

Саша дёрнулась от неожиданности, перестала рисовать и посмотрела на деда.

— Спасибо, — робко произнесла она. — А как же вы?

— Да что я? Мне не холодно. Не переживай, — ответил тот с теплотой и старческой хрипотцой.

Саше и правда стало уютнее. Только сейчас, в телогрейке, она вдруг поняла, насколько холод пронизывал её до самых костей. Она на мгновение прикрыла глаза, наслаждаясь теплом, и снова взялась за кисть. А рыбак вернулся на место и закурил папиросу, задумчиво всматриваясь в туман:

«И что она в нём нашла? Туман как туман».

Его туманом было серое месиво, поднимавшееся ленивыми тяжёлыми клубами.

Он вдыхал запах тины и мокрой коряги, торчавшей из воды. Слышал урчание лягушек, всплеск проснувшейся рыбы и стрекозу, вертолетом пролетевшую мимо.

Саша же не замечала ничего. Только туман.

А тот клубился, переливался, менялся каждую секунду, а иногда замирал, словно специально позировал для картины.

Саша не копировала его. Туман она впитывала, растворяясь в нём, и словно отключилась от реальности. И на бумаге в этот момент рождалось волшебство.

Старик тем временем докурил, насадил червя и взмахнул удилищем. Крючок с наживкой ушёл в мутную зеленоватую глубину, оставив на поверхности лишь расходящиеся круги. Рыбак снова присел, уже с удочкой в руках, и замер, глядя в пелену тумана. Поплавок был почти не виден, но это не имело для старика значения. Рыбалка давно перестала быть для него просто добычей. Он приходил сюда за тишиной. За уединением и покоем. И природа здесь, у пруда, давала ему всё это. Он чувствовал себя не гостем, а товарищем в этом месте. Воздух и звуки вокруг насыщали его, обволакивали. Здесь он, как и художница, стоявшая совсем рядом, мог отключаться от реальности, от всего сложного мира, и принадлежать лишь самому себе.

Так они и сидели: она — на коленях перед этюдником, он — на стульчике. Тишина стояла такая, что слышалось только шуршание кисти по бумаге и редкие вздохи старика.

Между тем туман начал таять. Сначала медленно, затем быстрее. Сквозь молочную пелену проступил дальний берег, а следом деревья. Солнце поднялось над горизонтом — яркое, золотое. Его лучи пронзили остатки тумана, и тот растаял, оставив только лёгкую дымку над водой.

С первым теплом всё вокруг начало просыпаться. На старой ольхе завёл свою песнь зяблик. Дрозд подхватил её низким, флейтовым свистом. Сорока застрекотала — громко, бесцеремонно, чувствуя себя хозяйкой. А где-то вдалеке мерно забарабанил дятел, словно сердце просыпающегося леса.

Старик слушал этот пробуждающийся мир и расплывался в умиротворённой улыбке.

Александра же не слышала ничего — только шорох кисти и своё дыхание.

Наконец она закончила и выдохнула. Успела!

Нужно снова торопиться. Опять эта спешка!

Саша осторожно промокнула рисунок тряпочкой и на секунду задержала взгляд на бумаге: получилось. Правда получилось. Но любоваться некогда. Она открыла сумку и стала быстро складывать вещи.

— А почему туман? — вдруг спросил старик, наблюдая за её скорыми сборами.

Баночка и кисти замерли в руках художницы.

— Не знаю, — тихо ответила она, пожав плечами. — Может, потому что он... свободный...

— Хех, мудрёно! — ухмыльнулся старик. — Да... Каждый своё ищет...

Саша скинула телогрейку и протянула её своему спасителю:

— Спасибо, дедушка. Я бы с удовольствием ещё посидела, но... пора.

Она схватила сумку, убрала этюдник под мышку и поспешила по тропинке к дому.

— Не болей, — только и успел сказать старик ей вслед.

Глава 2

Саша шла быстро, поправляя сбившиеся пряди волос. Ноги скользили, а сердце звонко стучало в такт утреннему приключению. Она взглянула на часы:

6:20.

Многовато. Но надежда ещё есть. Родители обычно встают в семь. Саша прибавила шаг.

И только сейчас почувствовала — как же тепло! Утро дышало уже не свежестью, а летней мягкостью. Оно проникало под футболку, согревало спину, забиралось в самые уголки души. На лице засветилась улыбка, и Саша почувствовала, как горят щёки, и как по ним разливается краска счастья.

Вот и дом. Ещё совсем чуть-чуть.

И вдруг она замерла.

На крыльце стояла мама. Строгая, невозмутимая. Будто солдат на посту. Она смотрела прямо на дочь. И только чуть уловимая дрожь пальцев выдавала её волнение.

Александра мгновенно почувствовала, как по телу прокатилась ледяная волна. Будто её окатили водой.

В голове быстрыми кадрами пронеслось всё это утро — её туман, её «преступление». Сердце забило где-то в горле.

Она натянула улыбку и робко пошла дальше. Надеялась этой улыбкой найти хоть малейшую поддержку в маминых глазах, но та была непреклонна. Ни один мускул на её лице не дрогнул. Анна Владимировна продолжала стоять, напоминая холодную каменную статую.

И от этого лёд внутри Саши резко сменился огнём. Улыбка сползла с лица. Губы сжались. Взгляд ожесточился. Брови насупились.

— Я же согласилась с вами! — бросила она, поравнявшись с матерью. — Не отнимайте у меня хотя бы это!

И, не дожидаясь ответа, скрылась за дверью.

Александра влетела в свою комнату, бросила сумку на пол, а этюдник — на кровать. Дверь за спиной захлопнулась с глухим стуком.

Девушка прислонилась к ней спиной, закрыла глаза и глубоко выдохнула.

Откуда взялась эта злость? Какой-то внезапный порыв, крик души, который вдруг вырвался наружу. Впервые так сорвалась. Раньше она никогда не позволяла себе перечить маме.

Саша с минуту стояла у двери, пытаясь взять себя в руки и успокоиться. И у неё это получалось. Стук сердца всё ещё ощущался горлом, но уже спускался ниже, на место. Дыхание выравнивалось. Пульс возвращался к спокойному ритму.

От гнева постепенно не осталось и следа. Только стыд.

Она открыла глаза, подошла к кровати и легла, уставившись в потолок. Ей вдруг вспомнился выпускной после девятого класса, когда она собралась поступать в художественное училище. И серьёзный разговор с родителями, когда те убеждали её всё же закончить одиннадцать классов и идти в университет на архитектора.

Саша прекрасно помнила тот день, потому что в памяти отпечатались папины доводы в пользу выбранной им для дочери профессии. Она вдруг представила, как отец сидит у неё в голове и молоточком выдалбливает свои заумные слова: престиж, стабильность, перспектива...

Да и говорил тогда больше он, расписывая все плюсы её будущей профессии, а мама только кивала, лишь изредка добавляя: «Правильно!» или «Папа плохого не посоветует».

Саша знала, что родители хотят ей добра. Они мудрее. Опытнее. К тому же отец — инженер, и в дочке хочет видеть скорее архитектора, чем художника.

Его мир — это чертежи, цифры, чёткие линии. Он ценит точность и функциональность. В Сашиных рисунках он видит не столько талант, сколько способности, которые можно обратить в дело. Он даже сам ей так говорил, и она с ним соглашалась. Саша и сама была за порядок и расчёт — за то, что присуще архитектору, а не за те спонтанность и хаос, которые приписывают художникам. Но...

И девушка никак не могла выключить в себе это «но».

Она знает: папа с мамой не строгие. Просто хотят для неё надёжного будущего. Они привыкли уважать только тот труд, который приносит результат, — дом, который построен, отчёт, который сдан вовремя. Они не против рисования. Но как хобби. Как занятие в свободное время. Для души.

Архитектура для них — серьёзная профессия: работа в офисе, стабильная заработная плата, уважение в коллективе. Художник — это сомнительный карьерный рост, непонятные доходы, зависимость от заказчиков...

Саша не знала, сколько пролежала так, глядя в потолок. Может, десять минут. Может, час. Мысли кружились по одному и тому же кругу: «престиж», «стабильность», «перспектива» — и это чёртово «но», которым она не могла пренебречь.

Александра встала. Нужно было попить. Она вышла в коридор и уже взялась за ручку кухонной двери, когда услышала мамин шёпот:

— Жень, может, зря мы с ней так?

— Чего зря? — переспросил супруг, хотя уже догадывался, о чём пойдёт речь.

Саша отдернула руку и прижалась к стене.

— А что, если мы поступаем неправильно, зарывая её талант? — послышался голос мамы.

— Вот опять ты за своё, — тихо произнес папа. — Никто его не зарывает. Пусть рисует. Я разве запрещаю? Не начинай, пожалуйста, снова.

Саша не хотела подслушивать. Она могла бы вернуться к себе в комнату и закрыть за собой дверь. Но ноги будто вросли в пол. Она затаила дыхание.

Анна Владимировна присела за стол рядом с мужем и уставилась на него, желая показать, что она хочет продолжить разговор. Напротив неё, широко расставив локти, сидел крупный мужчина с тяжёлым подбородком и тёмными, коротко стриженными волосами. Глубокие складки у рта делали его лицо суровым, но серые, глубоко посаженные глаза смотрели на жену без гнева — скорее устало.

Евгений Васильевич отхлебнул кофе и вздохнул:

— Вот представь, если бы не твой отец, кем бы ты сейчас была? Твоё вязание... или вышивание... Чем ты там занималась?

— Шила, — поправила его жена — стройная, подтянутая женщина с идеально уложенными тёмно-русыми волосами. На ней был лёгкий домашний костюм — ни складки, ни торчащей нитки. Даже в субботнее утро, на даче, где никто не видит, она выглядела безупречно.

— Ну и чего бы тебе дало это шитьё? — продолжал спрашивать Евгений Васильевич. — Стабильный доход? Огромную квартиру в центре города? Зато ты теперь риэлтор. Специалист в своём деле! Квалифицированный! — он поднял палец вверх и заговорил громче. — Ну, ответь, кем бы ты была?

— Я мечтала стать модельером, — твёрдо сказала Анна Владимировна, перейдя с шёпота на обычный голос. — И риэлтором я стала сама, если ты помнишь... Отец зарубил мою мечту в корне. У меня даже не было возможности попробовать.

— Ну, дорогая, такое уж было время, — сменив напор на мягкость, произнёс Евгений Васильевич, не желая, чтобы жена расстраивалась. Он снял очки, потёр глаза, сильно надавив пальцами на веки, и очки беспомощно повисли в его крупной руке. В мягком утреннем свете,

лющемся из окна, было видно, как седина основательно припорошила виски. — Да... Модельер тогда звучало как что-то новое и непонятное. Как там тесть называл эту моду?

— «Это твоё решение, дочка, какая-то авантюра. Вот бухгалтер — другое дело. Понятная и нужная профессия в наше время», — повторила Анна Владимировна слова своего отца. Её голос дрогнул, но она тут же выпрямилась, будто одёрнула сама себя. — Ну а мне что оставалось делать? Слово отца — закон! Выучилась на бухгалтера по его воле. А я эту математику до сих пор на дух не переношу. Дебет. Кредит. И цифры, цифры, цифры без конца! И сейчас мы поступаем с дочерью так же, как мои родители поступили со мной. Мы просто не позволяем ей самой решать.

— Ну, это не совсем так, — возразил ей Евгений Васильевич, пытаясь успокоить жену. — У тебя была немного другая ситуация. Модельер и бухгалтер — совершенно разные вещи. Я же предлагаю дочке компромисс. Архитектура — то же рисование. Пойми. Я вижу нашу Сашеньку. Она организована, расчётлива, педантична. У неё есть всё, что нужно первоклассному специалисту. Но художник!.. — он задумался, подбирая слова, чтобы с точностью описать свои мысли.

— Ну, с педантичностью ты явно перегнул, — попыталась улыбнуться супруга, чтобы слегка сгладить напряжение. — Скорее, скрупулёзная.

— Ну ладно... пусть так, — согласился Евгений Васильевич, сделав очередной глоток, и продолжил: — А её талант никуда не денется. Просто слегка изменит курс. Для неё так будет лучше. Она сама это поймёт со временем.

— Откуда ты можешь знать, что для неё лучше? — в голосе Анны Владимировны снова зазвенел вызов.

— Дорогая, вспомни, как мы сами жили. Всего, что у нас сейчас есть, мы добились с таким трудом... Я просто хочу, чтобы у неё была надёжная профессия, которая не подведёт.

Анна Владимировна помнила. Слишком хорошо помнила. Времена, когда прилавки магазинов заполняли только банки с морской капустой и томатным соком. Бесконечные очереди по утрам у гастрономов, чтобы урвать молочные продукты или свежий хлеб. Жизнь по талонам. Колбасу только по большим праздникам. Она помнила, как её родители сдали в ломбард свои обручальные кольца, чтобы собрать в школу своих двух дочек. И она отлично помнила первые годы после замужества — как приходилось выживать в общежитии, считая копейки до зарплаты. Конечно, она не хотела такого будущего для своего ребёнка.

— Жень, но ведь сейчас другое время. Да и мы не бедствуем. Поможем, — настаивала Анна Владимировна.

Муж вздохнул и устало потёр переносицу, прикрыв глаза. Жест был настолько привычным, что Анна Владимировна могла бы нарисовать его с закрытыми глазами. В такие минуты Евгений Васильевич казался не главой семьи, а просто измученным человеком, который тащит на себе слишком много.

— Мы же не сможем помогать вечно, — проговорил он наконец. — А архитекторы очень даже прилично зарабатывают. Ты же знаешь.

— А ты всё в деньгах измеряешь! — с пылом проговорила Анна Владимировна и, вскочив из-за стола, подошла к окну, оказавшись к мужу спиной.

Она стояла, прямая как струна, демонстрируя свою уверенность и непоколебимость, но пальцы нервно сжимали край подоконника.

— Нет, не всё, — твёрдо сказал тот, обернувшись к ней. — Но с ними проще жить. Неужели ты не счастлива сейчас, будучи риэлтором?

Анна Владимировна молчала.

— Вот если бы тебе выпал шанс всё изменить и пойти по другому карьерному пути, что бы ты выбрала? — не дождавшись ответа, спросил Евгений Васильевич.

Жена продолжала молчать, но она знала ответ на этот вопрос. Она ничего бы не меняла. Её всё устраивает. Она счастлива тому, как сложилась её жизнь. Она искренне верила в правильность слов мужа и соглашалась с ним, но дочь... Что, если она возненавидит их за это решение? Не сейчас. Потом. В будущем. Что, если она будет винить их всю жизнь? Если не сложится? Если не понравится?

Евгений Васильевич поднялся, подошёл к жене со спины, нежно обнял её за плечи, наклонился и прижался подбородком к её макушке. В этом объятии было что-то надёжное и вечное. Рядом с ним, высоким и широкоплечим, Анна Владимировна казалась особенно хрупкой. Она на мгновение позволила себе расслабиться, откинувшись ему на грудь:

— Перестань уже себя мучить, — сказал он с трепетом. — Пойми же наконец... Правильная профессия — это главный жизненный стержень. Ты же сама это понимаешь. И всё равно продолжаешь спорить... Анечка, ты же знаешь нашу дочку лучше всех. Её характер, темперамент, образ жизни. Ну какая из неё художница? Нам сейчас просто нужно ей немного помочь с выбором. Вот увидишь, через год-другой она спасибо нам скажет.

Евгений Васильевич умел убеждать, подбирая нужные слова и предлагая взвешенные и логичные решения. А жена ему всецело доверяла. Она привыкла доверять. С тех самых пор, когда жизнь казалась ей особенно несправедливой. Когда, оставшись без матери, серьёзно заболел отец. Когда нужно было учиться и работать, чтобы заботиться о нём и о младшей сестре. Когда нужно быть сильной, а не получается. Именно в то тяжёлое время в её жизни появилась опора — Евгений. Он заметил её тогда в парке, расстроенную и задумчивую, присел рядом и предложил ей семечек. Она не отказалась. С тех пор Анна привыкла, что её Женя всегда рядом и всегда поддержит в трудную минуту.

И сейчас, спустя много лет, последнее слово, как повелось, было за отцом семейства. Ему доверяли. К нему прислушивались. Но Анна Владимировна виртуозно владела женской хитростью и умела влиять на решения мужа. Она могла бы подать «нужную» мысль так, что он пришёл бы к ней сам.

Но в данном вопросе хитрить она не хотела. Это было бессмысленно — Евгений Васильевич настроен решительно. К тому же она и сама считала, что так будет лучше.

— Да я понимаю, — в конце концов согласилась она. — Ты безусловно прав.

— Всё будет хорошо, — мягко произнёс Евгений Васильевич и поцеловал жену в затылок. — Давай уже закроем эту тему.

— Пойми и ты меня, — вздохнув, сказала Анна Владимировна. — Я не хочу, чтобы дочка затаила на нас обиду. Очень надеюсь, что она сможет нас понять.

Саша уже не слышала этих слов. Она ушла после маминого «Ты безусловно прав».

«Всегда она с ним соглашается!» — вспыхнула про себя Саша.

Она не могла понять, почему мама сдалась. Ведь мама могла настоять на своём — и в итоге убедить отца. Разрешить дочери попробовать другой путь. Можно было бы предложить, например, закончить художественный колледж, а потом поступить в тот же архитектурный. Она до последнего надеялась, что мама сможет убедить папу. Но та сказала «Ты прав» — и всё рухнуло.

Откуда Саше было знать, что творилось у матери в душе? Она поймет это потом, когда сама станет мамой.

А сейчас ей только пятнадцать.

И главное для неё в данный момент — это проблема выбора будущей профессии.

Всего пятнадцать.

А значит, она появилась на свет, когда мама с папой уже жили в достатке: большая квартира, дорогая машина, стабильный доход. И она ничего не знала об их проблемах, о том, как

зарабатываются деньги и как родители сами много раз отказывали себе в желаниях. А теперь просто хотят уберечь свою единственную дочку от повторения их собственного сложного пути.

К тому же контроль родителей усиливался тем, что Саша была поздним, выстрадавшим ребёнком. К её появлению они подходили так, как ко всему в своей жизни. Взвешивали. Прощитывали. Ждали лучшее время. Анна Владимировна забеременела только после тридцати пяти, когда карьера уже сложилась и оба крепко стояли на ногах.

Именно поэтому они так тряслись над дочерью. Не из прихоти, не из желания подчинить, а из того самого страха, который въелся в них за годы нестабильности.

Страх и любовь здесь давно сплелись в тугой узел и гнали вперёд, не давая остановиться. Как всадник, который боится опоздать и всё сильнее сжимает бока коня. Они слишком долго ждали её появления, чтобы теперь позволить себе расслабиться. Слишком много вложили, чтобы дать ей права на ошибку. И чем сильнее они любили, тем жёстче становился контроль — потому что любовь и тревога в их случае были неразделимы.

Каждая пятёрка в дневнике у Саши, каждое «правильное» решение, каждый шаг по намеченному пути был для них доказательством: они справляются. Они хорошие родители. Их проект — их дочь — идёт по плану.

И архитектура была частью этого плана — не потому, что они не верили в талант Саши, а потому что верить в талант — это риск. А рисковать они не умели. Зато умели работать, терпеть и добиваться. И хотели, чтобы дочь умела то же самое.

Саша не знала об этой стороне медали. Она вообще мало что знала о жизни своих родителей до своего появления. Они не любили про это рассказывать, а она не спрашивала. Для Саши всё было просто. Просто как дважды два. Она ещё не умела различать оттенки страха и любви. В её пятнадцать родители были просто строгими. И точка.

Александра вернулась в свою комнату и прикрыла за собой дверь. Подслушанный разговор всё ещё звучал в голове обрывками фраз. Она задумчиво встала у окна, опершись ладонями о подоконник.

Утро только разгоралось. Солнце уже поднялось над крышами, но ещё не набрало дневную силу. Его лучи, пока ещё мягкие и золотистые, скользили по мокрой от росы траве, и та блестела, словно усыпанная битым стеклом. За забором вдоль пыльной дороги тянулись старые тополя — их листва лениво шевелилась под слабым ветром. Где-то вдалеке прокричал петух. Посёлок только начинал просыпаться. Вот хлопнула дверь в соседнем доме. Вот проехал велосипедист, негромко прошуршав шинами по гравию. А вот залаяла собака — коротко, для порядка, и снова смолкла.

Саша смотрела на всё это — на дорогу, на тополя, на лениво просыпающийся посёлок — и не видела. Мысли её были далеко.

Она всё думала о своём. Разговор на кухне оказался для неё откровением. Не в том смысле, что решение по архитектуре окончательно принято, а в том, что мама вдруг оказалась на её стороне.

Мама, всегда уверенная, строгая, дисциплинированная, с прямой спиной и холодноватой полуулыбкой — вдруг стала живой. Сомневающейся. Уязвимой. Она спорила. Саша видела, как мама отстаивала её интересы. Вспоминала свою несбывшуюся мечту. С горечью цитировала отца.

Для Саши это было потрясением.

Дома мама всегда была требовательной. Проверяла оценки, следила за порядком, говорила: «Ты должна» и «Будь лучшей». Она не обнимала просто так, не шептала на ухо ласковых слов. И Саша привыкла думать, что мама просто не умеет сомневаться. Не умеет быть слабой.

А теперь выяснилось, что умеет. Просто не показывает.

Оказывается, мама не всегда может стоять с указкой в руке. Наедине с собой или с мужем она другая...

Медленно подойдя к кровати, Саша открыла этюдник и достала свой туман. Она долго смотрела на него — и не могла отвести взгляд. Как будто ждала, что тот заговорит с ней, пожалеет, выслушает. Но он молчал.

Саша вспомнила, как рисовала. Как страшный холод одолевал её, как коченели пальцы. Но она не замечала этого. Она торопилась. Торопилась поймать его свободу. Ощутить эту свободу всем телом.

Она вспомнила, как впитывала его там, у воды. Как растворялась в нём, как мечтала, чтобы он подхватил её и унёс с собой — в эту молочную, свободную бесконечность. Странное чувство испытывала она сейчас, глядя на туман: зависть и умиротворение одновременно.

В голове вдруг пролетели обрывки только что подслушанного разговора: «Архитектура — то же рисование», «Это компромисс», «Пусть рисует», «Никто не запрещает»...

— Да... вы не запрещаете, но и не одобряете, — тихо произнесла Саша с горькой усмешкой.

Она подошла к столу, достала из органайзера кнопки и прикрепила к стене свой выстраданный рисунок:

— Буду архитектором! Самым лучшим! Но рисовать вы мне не запретите!

Они и не запретят. Она сама запретит...

Глава 3

Жизнь потекла спокойно, в привычном направлении. Двухнедельный отпуск Евгения Васильевича заканчивался. Летние каникулы тоже подходили к концу. Скоро — в город, десятый класс. Будто и не было никакого тумана — растворился, исчез. Но только не для Саши! А побег... Папа даже и не знал о нём, мама не сказала.

Александра в последнее время замечала, что родители стали меньше обращать на неё внимания. Анна Владимировна всё чаще уезжала показывать объекты заказчикам. А Евгений Васильевич постоянно работал в ноутбуке. Даже во время своего отпуска.

Саша давно привыкла к их ритму. Она часто ловила себя на мысли, что ей это даже нравится. Когда много работы — меньше внимания ей, значит, можно больше рисовать или просто принадлежать самой себе без всякого контроля со стороны родителей.

Вот и сейчас Саша, увидев отца, вовлечённого в рабочий процесс, отчеканила:

— Я гулять с Васькой!

И, дождавшись одобрительного «Угу!», выбежала на улицу, прихватив сумку с вещами для рисования.

Васька была её подругой. Самой лучшей. Или Василиса Прекрасная, как шутя любила представляться она сама. И это выглядело комично в глазах нового знакомого, потому что Прекрасной её можно было назвать с большой натяжкой. Массивные кроссовки, мешковатые джинсы, худи на размер больше — не чтобы спрятаться, а чтобы было свободно. Чтобы можно было сесть на корточки, перелезть через забор, плюхнуться на траву и не думать о том, как выглядеть. Макияж был не про неё. Она даже не пробовала — зачем? Светлые волосы, густые и непослушные, вечно в хвосте — стянула резинкой и забыла. И ей было всё равно, что о ней подумают.

Но симпатичной она была. Точёная фигурка, прямой нос с едва заметной горбинкой, милые ямочки на щеках. Саша, смотревшая на мир глазами художника, часто ловила себя на том, что разглядывает подругу. Вот солнце золотит выбившиеся у висков пряди. Вот тень ложится вдоль прямого носа, делая лицо тоньше и благороднее. А когда Василиса улыбалась, на щеках проступали те самые ямочки — мягкие, совсем не вяжущиеся с её дерзким характером.

— Если бы тебя принарядить... — говорила Саша, прищурившись. — Была бы вылитая леди Диана.

Василиса только хмурилась и отвечала:

— Принцессой? Никогда!

Подругами они были, казалось, всю жизнь, хотя знакомы были всего несколько лет. Саша сама не помнит, откуда взялась эта Васька. Просто появилась — и всё. Как факт. Как данность. Она — пробивная, импульсивная. «В каждой бочке затычка» — любит говорить про неё Сашин отец. Она — подруга, которая врывается без стука. Не боится чужих людей, не боится конфликтов. Спор — пожалуйста, убедит кого угодно. А для защиты могла пустить в ход и кулаки.

Девушки были слишком разными. Саша — послушная и собранная. Васька — независимая и отчаянная. И всё же — лучшие подруги. Василиса для Александры была своего рода отдушиной — наравне с рисованием. Ей можно было рассказать всё, а та всегда выслушает и даст ценный совет, если нужно. И её советы действительно всегда были в точку — честные и непредвзятые, такие, какие может дать только надёжный и верный человек. Василиса никогда не говорила: «Сделай так или так». Она помогала Саше самой добраться до правильного решения. И Саша ценила это больше всего.

Вот и сейчас они договорились увидеться, потому что обе нуждались в простом разговоре по душам. Место встречи было неизменным — старое поле за посёлком, где высокая

трава доходила почти до пояса, а у края, под старым дубом, можно было спрятаться от солнца. Они устроились там. Саша, как всегда, достала альбом и положила его на колени. Карандашом первым делом набросала линию горизонта. А Василиса плюхнулась рядом, вытянула ноги и сорвала травинку, тут же зажав её в зубах.

— Что, Санька, бросишь меня скоро? — спросила она, глядя не на подругу, а куда-то вдаль, в поле. — Уедешь опять в свой город и забудешь меня.

Саша оторвалась от альбома и покосилась на неё, хмыкнув:

— Ты сама-то в это веришь? Тебя, пожалуй, забудешь.

Василиса улыбнулась:

— Ну так-то да... Просто так не отстану, ты знаешь.

— Телефоны есть, видеосвязь. Жалко, конечно, что уезжаю. Время как-то очень быстро пролетело... — вздохнула Саша и снова опустила взгляд в альбом. Быстрыми движениями она провела несколько лёгких линий — наметила крону дуба и два силуэта под ним.

— Да ты в десятом классе можешь пока ещё не париться, — Василиса легла на спину, раскинула руки и уставилась в небо. — Вот в одиннадцатом придётся попотеть. Сначала ЕГЭ, потом поступление.

— Что ты? Родители меня и в десятом в покое не оставят, — Саша нахмурилась и сильнее нажала на карандаш. — Они говорят: «Твой аттестат должен быть безубречным!» Так что от репетиторов мне точно не отделаться.

Василиса приподнялась на локтях и серьёзно посмотрела на подругу:

— Знаешь, Санёк, а я тебе даже завидую. По-доброму.

Саша перестала рисовать и подняла свои карие глаза, которые смотрели на мир всегда серьёзно и немного настороженно:

— Чего завидовать-то? Этому контролю? И пятёркам в аттестате?

— И этому тоже. Я бы, например, хотела в универ поступить. Я вот передачу одну видела. Там рассказывали про селекцию растений. Очень бы хотела этим заниматься. Работать в лаборатории, выводить новые сорта. Быть учёным — это же так круто...

Саша отложила карандаш и внимательно слушала, не перебивая. Василиса вздохнула и села, обхватив колени руками.

— Только с моими оценками мне ничего такого не светит, — продолжила она. — Да и репетиторов мне не видать как своих ушей. А родители у тебя хорошие. Переживают за тебя. Не то что мои. Они как развелись год назад, так я с отцом даже ни разу и не виделась. Помнишь, тогда звонил мне в день рождения. И всё. А самый прикол знаешь в чем?

— В чём? — с интересом спросила Саша.

— А в том, что он таксистом работает. Таксистом! Целыми днями за рулём. И не может к дочке заехать... Всего полтора часа на машине.

— А мама?

— И маме не до меня. С Юркой всё возится. А я только по хозяйству нужна, да в магаз сбегать. А как у меня в школе дела, вообще не интересуется. Поэтому, Санька, цени.

Саша отвела на секунду взгляд — поправить альбом — и снова посмотрела на подругу:

— Да... Но только я хотела в художку пойти, а они вот всё: архитектура да архитектура.

Василиса оживилась и хлопнула ладонью по траве:

— Зато как звучит круто! Архитектор Перова Александра Евгеньевна. Да ладно, Сашк, архитектура — это тоже творчество. К тому же рисовать ты же всё равно не бросишь. Вот даже сейчас. Пошли гулять, и всё равно ведь альбом свой взяла.

Саша улыбнулась:

— Да я уж смирилась. Может, это и правда будет интересно.

— Будет. Даже не сомневайся. И зря ты так о родителях. Они, на мой взгляд, не такие строгие, чтобы запретить. Если бы ты с ними поговорила — вот как на духу, — Василиса села

прямо и демонстративно стукнула кулаком по своей ладони. — Типа: «Хочу в художку — и точка!» — и привела бы всякие разные доводы, то можно было бы их уговорить. Или на колени бы упала в крайнем случае.

Подруги рассмеялись, представив эту картину. Саша даже зажмурилась, тряхнув головой, а Василиса снова откинулась на спину.

— Знаешь, Сань, а я вот думаю, что на родителей не нужно обижаться. Какими бы они ни были. Вот взять, к примеру, моего отца. Почему он ко мне не приезжает? Нынешняя жена не пускает? Работа мешает?.. Да просто не хочет. Желания нет. Вот и всё.

Она замолчала, глядя в небо. Саша осторожно, почти не дыша, нанесла тень под кронами дерева:

— А может, что-нибудь серьёзное у него. Важная причина.

— Да какая, блин, причина? В последний раз звонил. Две минуты! «Как дела? Как учёба?» — «Хорошо. Нормально». — «С днём рождения. Бла-бла-бла». И всё. «Мне пора. Ладно давай». И денежку на карту закинул... Просто неинтересно ему со мной. Вот скажи, почему? Тебе со мной интересно?

— Васенька, с тобой не может быть по-другому, — честно ответила Саша. — Дело не в тебе.

— Вот и я так думаю, что не во мне. Просто не хочет — и всё. Я сначала обижалась, а потом забила. А мама... Удобно ей просто, что я рядом. Сделай то, сбегай туда. А если я что попрошу вместе сделать — например, фильм посмотреть, — так ей некогда. Я всё понимаю. И рада помогать. Я ведь взрослая уже. Дело не в этом. — Василиса села и продолжила свою мысль, активно жестикулируя. — Я к тому всё, что родители — те же люди. И они поступают порой так или иначе просто потому, что устали, или так хочется, или так удобно. В общем, не знаю почему. Наверное, я просто ищу оправдания для них, потому что устала во всём винить себя. А ведь я знаю, что они меня любят. Мама, например, мне вчера котлет моих любимых пожарила — тресковых. Два часа с ними провозилась. Хотя я даже не просила. Сама их не любит, и братик тоже их не ест. А приготовила. Не в магазине купила готовые, а сама сделала. Прикинь? — Василиса сорвала новую травинку и стала крутить её, продолжая размышлять. — Я вот думаю, что родители не могут не любить своих детей. И твои тебя тоже любят. Хотят тебе лучшего, потому что думают, что знают, как надо. Ты пойми, — Васька повернулась к подруге, и в её глазах не было ни жалости, ни осуждения. — Я их не защищаю. Я всегда буду на твоей стороне. Просто говорю, как думаю, — она немного помолчала, подбирая слова, и продолжила: — А жизнь... она твоя. И тебе решать. Только тебе. Хочешь — согласишься с ними. Не хочешь — убеди. Они поймут, если постарайшься.

— Вот так просто? — усмехнулась Саша.

— А что тут сложного? — Васька пожала плечами. — Тебе решать. Не им. Не мне. Тебе... И они обе о чём-то задумались. Каждая о своём.

— Слушай, Вась, а я недавно к туману бегала, — прервала молчание Саша, и в голосе её мелькнула гордость. — Пока родители спали.

— Да ладно! — удивилась подруга. — Ты? Сбега́ла? Шутишь, наверное.

— А вот и не шучу. Знаешь, как сердце колотилось. Думала, выпрыгнет.

— Ну ты даёшь! А чего сбега́ла-то? Рисовать?

— Ну да... Туман ведь я ещё не рисовала.

— Вот видишь. Можешь и наперекор... Если захочешь.

Саша робко улыбнулась. Но потом улыбка резко спала с её лица, и она тихо проговорила:

— Вась, только я уже не хочу... Я согласилась с ними. Буду архитектором... Мама вчера сказала, что нашла для меня другую школу. Там открыли новый архитектурно-строительный класс с углублённым изучением предметов по моей будущей специальности. Она уже и с дирек-

тором договорилась, и заявление у неё приняли. — Саша глубоко вздохнула. — В общем, уже всё решено. Я отучусь там два года, а потом в универ.

Саша замолчала, но Василиса смотрела на подругу, ожидая продолжения, заметив в её глазах какое-то необъяснимое спокойствие.

— Ну а ты чего? — не стерпев, воскликнула она.

— Если честно, я сама не очень понимаю почему, но... — продолжила Саша и посмотрела подруге прямо в глаза, будто искала там ответ. — Я почему-то даже успокоилась, когда за меня всё решили. Я же мечтала художником стать. Почему тогда сейчас я испытываю какое-то облегчение что ли?

— Ты привыкла соглашаться с ними, — со вздохом ответила подруга. — Или просто боишься. Вот и всё.

Саша молчала. Ей нечего было возразить. Вася смогла описать её чувства — пусть резко, зато настолько точно, насколько сама Саша не могла себе в этом признаться. Она действительно боялась. Не родителей. Не их гнева. А того, что случится, если она вдруг скажет «нет». Всё рухнет. Привычный уклад, понятное будущее, ощущение, что ты — хорошая дочь. А что взамен? Неизвестность? А к неизвестности Саша была не готова.

Василиса смотрела на подругу, и ей было жаль её — запутавшуюся в своих мыслях, в своём решении. Нужно было как-то разрядить обстановку.

— А я вот в следующем году закончу девятый и пойду на флориста учиться, — уверенно сказала она. — Это не универ. Поступить проще. Зато тоже буду творчеством заниматься. Как и ты.

— Васька — флорист? Вот уж никогда бы не подумала, — улыбнулась Саша, и карандаш в её руке снова ожил, заскользил по бумаге. — Хотя растения всегда вызывали у тебя особый интерес. Я знаю, что бы ты ни захотела, у тебя всё получается. И я даже ни капельки не сомневаюсь, что и в этом ты добьёшься того, чего хочешь.

— Ты правда так думаешь? — спросила Василиса и на секунду задержала на подруге взгляд. Саша кивнула. В искренности её слов не было сомнений. Просто всё, что она желала другим, никак не могла примерить на себя. Вася заметила это, но ничего не сказала. Только хмыкнула и добавила: — Спасибо, Саш. Мне не хватало этой поддержки. Вроде бы простые слова, а такие сильные...

— Главное, что у тебя есть цель. А добиться её уж для тебя-то — раз плюнуть, — сказала Саша, не отрываясь от альбома. Она уверенно наносила последние штрихи.

— Ты классная подруга. Я вот тоже хочу, чтобы у тебя всё получилось. — Василиса шмыгнула носом и потёрла его тыльной стороной ладони — быстро, почти сердито, как делала всегда, когда не хотела показывать, что расстроена.

— Если честно, мне немного страшновато... — призналась Саша, закончив рисунок.

— Чего?

— Ну... во взрослую жизнь...

— Мне так-то тоже... — вздохнула Вася и откинулась назад, опершись руками о траву. — Да ладно, прорвёмся.

— А я, кстати, рисунок уже закончила. Хочешь посмотреть? — оживилась Саша.

Василиса тут же подалась вперёд:

— Ну-ка, ну-ка... Что там у тебя получилось?

Александра выпрямилась, окинула рисунок придирчивым взглядом и передала альбом подруге. Вася замерла. Потом медленно, не отрывая глаз от бумаги, выдохнула:

— Ого! Это же мы!

В альбоме было поле, уходящее за горизонт, старый дуб, раскинувший свою густую крону, и две подруги в её тени — прямо у подножия дерева. Саша изобразила себя с карандашом в руке и с альбомом на коленях в той самой позе, в которой просидела последний час.

Василиса на картине сидела, прижавшись спиной к шершавому стволу дуба, вытянув ноги в тяжёлых кроссовках. Одна рука лежала на колене, другая — чуть отведена в сторону, будто она только что сорвала травинку и замерла, глядя в поле.

Подруга долго смотрела на рисунок. Потом провела пальцем по краю листа и хмыкнула: — Ну ты даёшь, Санёк...

Саша улыбнулась и пожала плечами — мол, а что тут такого. Но в глазах у неё светилась тихая, счастливая гордость. В такие моменты Вася невольно замирала, будто под гипнозом. Ей хотелось как можно дольше продлевать эти мгновения — просто смотреть на подругу и быть рядом.

— Знаешь что, — встрепелась вдруг Василиса. — А давай я тебе пожелание напишу. Только чур не смотреть, пока не поступишь. Хорошо?

И, не дождавшись ответа, перелистнула альбом в конец — как раз последний чистый лист остался, — попросила карандаш и написала:

«Санёк! Где бы ты ни училась — в художке или в универе, — рисовать ты не перестанешь. Из тебя это и клещами не вырвать. Девочка, которая с двух лет карандаш из рук не выпускает, обязательно станет знаменитой. Вот увидишь! Твоя Васька».

Она сложила лист пополам, прямо в альбоме, закрыла его и вернула подруге:

— Только смотри, до поступления не заглядывай!

Саша согласно кивнула...

Спустя два дня они попрощались. И ни Василиса, ни Александра даже не догадывались, что вот так — вживую, лицом к лицу — судьба сведёт их только через много лет. А пока только телефон. Но не объятия.

Глава 4

Саша с родителями выехала в город во второй половине дня, оставив любимый дачный домик позади — до следующего отпуска. Папа сидел за рулём, прямой и сосредоточенный. Мама, пристёгнутая рядом, разговаривала по телефону с клиентом. Саша сидела сзади, уставившись в окно. Рядом с ней в переноске лежал Мотя и лишь изредка урчал, напоминая о себе.

За окном проплывали перелески, жёлтые от августовской сухости поля, редкие деревеньки с покосившимися заборами. А мягкий золотистый свет укрывал всё это.

Саша долго любовалась природой, впитывая её очарование и безмятежность. Затем бросила взгляд на родителей. Папа уже устало ссутулился и зевал, держа одной рукой руль, а другой — голову. Мама по-прежнему не отрывалась от телефона.

«Как они могут не замечать такую красоту вокруг?» — с грустью думала Саша.

За стеклом была целая вселенная — золотая, тихая, почти нереальная. А они её не видели. Не умели видеть. Они привыкли работать, добиваться, решать вопросы. А отдыхать и просто смотреть по сторонам так и не научились.

Саша вздохнула и снова отвернулась к окну. Она смотрела на скошенные луга, отсвечивающие тёплым янтарём, на предвечернюю дымку, от которой воздух казался гуще, а краски глубже — и невольно раскладывала по палитре: «Кадмий жёлтый. Сиена натуральная. Чуть-чуть кобальта».

Была бы её воля — открыла бы альбом, разложила краски и кисти. Но вместо этого с досадой откинулась на спинку сиденья...

Нужно было чем-то заняться. Она перевела взгляд на Мотю.

— Вот кто меня развлечёт, — улыбнулась Саша и потянулась за рюкзаком. Оттуда она достала скетчбук с мягкой обложкой и чёрную гелевую ручку, открыла чистый разворот и посмотрела на кота.

— Надо запечатлеть тебя для истории, — воодушевлённо произнесла она и принялась за работу.

Чёрные линии ложились на белый лист быстро и уверенно: изогнутая спина, полосатый лоб, усы, растопыренные в стороны, одно ухо чуть примято и, конечно же, глаза — две круглые плоскости, наполненные абсолютным кошачьим пофигизмом.

Через несколько минут Мотя был готов. Саша оценивающим взглядом скользнула по рисунку, а затем повернула скетчбук к переноске:

— Ну как? Тебе нравится? По-моему, очень даже похоже.

Кот перевёл взгляд с рисунка на Сашу и обратно. В его глазах не отразилось ничего — ни интереса, ни одобрения, ни возмущения. Только всё то же привычное равнодушие. Он лениво моргнул, дёрнул ухом и отвернулся к стенке переноски.

— Ну ты, как всегда, щедр на эмоции, — улыбнулась Саша.

Она закрыла скетчбук, спрятала ручку в рюкзак и, взглянув на часы, печально вздохнула. До дома оставалось ещё два часа.

Просторная четырёхкомнатная квартира встретила своих хозяев духотой. За время их отсутствия воздух застоялся, стал густым и неподвижным, как в банке с плотно закрытой крышкой. Анна Владимировна первой зашла в гостиную, щёлкнула кондиционером и с облегчением выдохнула.

Они переехали сюда три года назад. Именно мама-риэлтор подобрала отличный вариант: почти центр, хороший район, престижная школа в двух шагах. Но Саша тогда отказалась переводиться — не хотела бросать старую школу, где уже были знакомые учителя, друзья, привыч-

ные коридоры. А теперь, когда десятый класс и архитектурный профиль, школа в двух шагах оказалась как нельзя кстати.

Саша присела на корточки, расстегнула переноску и выпустила кота. Тот выбрался наружу с видом оскорблённого достоинства: замер на полусогнутых лапах, повёл ушами, принюхался. Затем, не удостоив хозяйку взглядом, прошествовал в сторону кухни — проверять свою миску.

— И я тебя люблю, — пробормотала Саша ему вслед.

Папа занёс последний чемодан и, разувшись, обозначил:

— Я в душ!

Проходя мимо дочери, он на секунду задержался и потрепал её по плечу:

— Ну ты как? Устала?

— Немножко, — ответила та и улыбнулась.

Папа был в хорошем настроении. Устал, но держался бодро — наверное радовался, что наконец дома. Саша знала: такое проявление внимания с его стороны было редкостью.

Евгений Васильевич любил дочь молча. Он никогда не говорил «я тебя люблю» — это казалось ему лишним, почти неприличным. Но когда Саша в детстве болела, он сидел у её кровати днями и ночами. Никогда не сюсюкал с ней, не играл в куклы, не читал сказок. Он просто был рядом — надёжный, как несущая стена.

Мама тем временем уже деловито разбирала вещи и, не поднимая головы, спросила:

— Сашенька, ты же помнишь, про переключку? Завтра. В девять.

— Да, мам. Я помню, — ответила дочь. — Я к себе.

В одну руку она взяла этюдник, другой — подхватила свой чемодан за ручку и покатила его в комнату. Колёсики мягко прошуршали по паркету. Дверь в её комнату была приоткрыта, и оттуда тянуло всё той же духотой.

Александра перешагнула порог и остановилась.

Комната встретила её привычным безупречным порядком и чистотой, в которой она её и оставила. Стерильность нарушал лишь тонкий двухнедельный слой пыли.

Комната была красивой. Той красотой, которую создают не для души, а для статуса. Здесь всё кричало о комфорте и функциональности — и молчало о том, кто в ней живёт.

Стены, выкрашенные в светло-серый, были идеально ровными, без единого пятнышка. Мама выбрала этот оттенок, когда они переехали, и с тех пор ни разу не спросила, нравится ли он Саше. Это был «правильный» цвет: благородный, успокаивающий, универсальный.

Пол — тёплый дубовый ламинат, по которому босиком ходить одно удовольствие. У кровати лежал ковёр — не пушистый, не уютный, а дизайнерский, с геометрическим узором в серо-бежевых тонах. Мама купила его в салоне и радовалась, что «вписался идеально».

Мебель была подобрана в тон: белый глянец, матовые ручки, чёткие линии. Шкаф-купе до потолка — огромный, вместительный, с зеркальными вставками. В нём можно было спрятать всё что угодно.

Письменный стол, изготовленный на заказ, стоял у боковой стены. Стул — эргономичный, с поддержкой для спины. На столе — лампа на подвижной ножке, органайзер, ноутбук, подставка для учебников. Ничего лишнего. Никакого творческого беспорядка. Над столом висела пробковая доска. Мама повесила её со словами: «Для расписания и важных заметок». Сейчас там сиротливо темнели две кнопки.

Кровать была широкая и безупречная. Простое деревянное изголовье, светлое, без резьбы и украшений. Покрывало — плотное, серое, натянутое так ровно, что ни единой складочки. Подушки — две прямоугольные, без декоративных наволочек. Никаких гор думок, никаких пледов, брошенных в ногах. Только спальное место — удобное и качественное.

Окно было большое, почти во всю стену — мама говорила, что это называется «французским остеклением» и очень гордилась этим выбором. Шторы — римские, с ровными складками, из ткани блэкаут.

Всё было удобно, продуманно и выдержанно в стиле минимализма, но какое-то чужое. Комната напоминала скорее номер в дорогом комфортабельном отеле, нежели уютный уголок молодой девушки, одержимой творчеством.

И во всём этом великолепии только единственная деталь была выбрана самой Сашей. Это репродукция Куинджи «Радуга». В ней свет пробивается сквозь тяжёлые грозовые тучи и даёт миру пробуждение и надежду. Девушка купила её год назад в музейном киоске и сама повесила над своей кроватью. Мама тогда недовольно повела плечом: «Выбивается из общего колорита», но приняла выбор дочери.

Сама она предпочитала другое: в гостиной, над диваном, висела настоящая картина, масло на холсте, написанная модным современным художником. Анна Владимировна купила её на выставке в прошлом году и с тех пор с гордостью показывала гостям.

Это был абстрактный экспрессионизм — широкие, размашистые мазки, хаотично пересекающиеся линии, три цветовых пятна: густо-чёрное в центре, тревожно-красное слева и приглушённо-серое справа. Что именно изобразил художник — взрыв, закат или собственное настроение, — сказать было невозможно. Но мама, когда её спрашивали, многозначительно поднимала бровь и отвечала: «Это современное искусство. Здесь каждый видит своё».

Саша не видела ничего. Точнее видела, но не понимала, почему это должно быть красиво. Картина была слишком громкой. Слишком агрессивной. От неё веяло не чувством, а ценой. Мама, казалось, любила не само полотно, а возможность сказать: «Да, это оригинал. Мы давно знакомы с этим художником».

Иногда Саша ловила себя на мысли, что эта картина — как мамина жизнь: внешне эффектная, статусная, но в глубине — загадка.

Оставив чемодан у порога, девушка положила этюдник на кровать, сняла рюкзак с плеч и подошла к окну.

С восьмого этажа город лежал перед ней, залитый мягким вечерним светом. Косые лучи скользили по крышам, и старые черепичные скаты отливали тёплой охрой, а стеклянные фасады новых высоток вспыхивали золотом. В просвете между домами блестела полоска реки — нежно-розовая в закатном свете, с тёмными штрихами мостов. Облака над горизонтом окрасились в персиковый и лиловый, будто кто-то провёл по небу мокрой кистью. Мир вокруг был живым — он менялся каждую секунду, дышал, переливался. А здесь, внутри, всё застыло.

Она отвернулась от окна и оглядела комнату. Насколько же всё вокруг было безликим и удручающе правильным!

Мамины рамки. Мамины правила. Всё это душило её, не давало дышать.

«Что я здесь вижу?» — пронеслось в голове.

Книги на полке — строго по алфавиту. Карандаши в органайзере — остро заточенными кончиками вверх и разобраны по цветам. Будто не комната, а витрина.

Разве это жилище художника? Разве здесь есть место чувству?

Волна поднялась откуда-то из глубины, горячая и горькая. Девушке вдруг нестерпимо захотелось всё поменять, устроить свой собственный, «сашин» порядок. Пусть мама потом ругается — всё равно.

Первым делом она подошла к органайзеру и перевернула его. Просто взяла и перевернула, как переворачивают песочные часы. Карандаши и ручки с грохотом рассыпались по столу; некоторые сразу скатились на пол. Саша наклонилась, подняла их и сложила с другими обратно в органайзер, но уже вперемешку, как попало.

«Ну вот, — подумала она с неожиданным удовлетворением. — Так гораздо лучше».

Затем она подошла к книжным полкам и, не раздумывая, сгребла книги с места. Пусть теперь стоят не как положено, а немного небрежно. Две любимые — зачитанные до дыр «Искусство цвета» и «Академический рисунок» — она демонстративно вытащила и положила на прикроватную тумбочку, поближе к себе.

«Пусть лежат там, где мне удобно, а не там, где должны».

Саша перевела взгляд на шкаф. Дальний угол. Там за стопкой старых учебников стоял сложенный мольберт — простой, деревянный. Мама купила его со словами: «Для этюдов на природе», и с тех пор он вечно сложенный, вечно убранный с глаз. Саша достала его, разложила и без колебаний поставила посередине комнаты. Прямо на дорогой ковёр.

«Здесь его место!», — пронеслось в голове.

Взяла с кровати этюдник, раскрыла его и установила на мольберт. Из рюкзака выудила краски, кисти, палитру, тряпочку — всё разложила так, как ей было удобно. Всё как она делала всегда, когда собиралась рисовать.

Оставалось главное. Туман. Она достала свой толстый старый альбом. В нём между страниц лежал её лист — тот самый, с молочной дымкой над водой. Саша бережно вытащила его и закрепила двумя кнопками над столом, на пробковой доске. А сам альбом, в котором не осталось ни одного чистого листа, положила не в ящик, как обычно, а с краю стола. На видное место.

«Хватит стесняться!» — смело проговорила она себе.

Затем присела на кровать, но почти сразу вскочила. Кровать её тоже раздражала. Слишком ровная, слишком серая, слишком «как в отеле». Саша сдёрнула ненавистное покрывало и бросила его на пол, случайно задев часы на тумбочке. Те с грохотом полетели на ламинат, но даже не разбились, что почему-то её раздосадовало.

Она огляделась. Взгляд упал на электронный будильник на столе, затем — на круглые часы над столом. Трое часов в одной комнате! Каждые из них что-то значили: одни — подарок папы, другие — мамино «опоздать недопустимо». Не комната, а какой-то пункт управления полётами.

«Сплошной контроль. Расписание. Обязательства. Как же я от этого устала...»

В её комнате время должно течь иначе. Свободно и незаметно. Подчиняться не стрелкам, а вдохновению.

Саша подняла часы с пола, вытащила батарейки и убрала всё это в ящик. Затем выдернула шнур из розетки, и электронный циферблат на столе погас. А чтобы завершить начатое, встала на стул, сняла круглые часы с гвоздя и вытащила батарейки и оттуда. Ведь главное время в её жизни не зависит от цифр, и она никуда не опаздывает.

Теперь в комнате был совсем другой порядок — её собственный. Немного небрежный, может быть неидеальный, зато живой. Саша сделала комнату своей. Той, которая по-прежнему была удобной и функциональной, только служила теперь не маминым представлениям о порядке, а ей самой. Её мыслям. Её чувствам. Её свободе.

Александра забралась на кровать поверх одеяла и, довольно оглядев теперь уже своё пространство, улыбнулась. Не дерзко, не вызывающе, а как-то облегчённо. Как будто сбросила с плеч невидимый груз, который тащила на себе все эти годы. Она сидела, поджав ноги, и чувствовала: впервые в жизни стены не давили на неё, а принимали.

В этот момент дверь открылась.

На пороге показалась мама.

— Саш, я ужин собрала, пойдём... — начала она и осеклась.

Анна Владимировна обвела комнату взглядом — медленно, очень медленно. Мольберт. Книги. Карандаши. Перевернутые часы...

Её брови поползли вверх. Она открыла было рот, но Саша заговорила первая.

— Мам, не надо, — сказала она тихо, но уверенно. — Это моя комната. Я здесь живу. И я такая, — она улыбнулась, всё ещё сидя на кровати и глядя на мать снизу вверх.

Анна Владимировна помолчала. Потом перевела взгляд на доску, где висел туман, и вдруг, сама того не ожидая, сказала:

— Мольберт хотя бы разверни к окну. Света больше будет. И будильник надо бы вернуть. Чтобы в школу не проспать.

— Хорошо, — пообещала Саша.

Мама ещё раз оглядела комнату.

— Руки мой и приходи. Паста остынет, — вздохнула она и вышла.

«С креветками, наверное», — подумала Саша и заторопилась следом. Даже в еде мама следовала моде: никаких жареных котлет, никакой картошечки с салом. Только то, что сейчас подают в хороших ресторанах.

Глава 5

В городе Анна Владимировна не позволяла себе расслабляться. У неё был чёткий утренний график, которому она беспрекословно подчинялась.

Утро всегда начиналось в шесть. Полстакана воды с лимоном. Пробежка. Полезный завтрак. С восьми до двенадцати — работа в офисе: планёрка, аналитика, подготовка документов. После обеда график становился свободным. Она встречалась с клиентами, ездила на показы или в Росреестр. Могла освободиться в пять, а могла до самого вечера крутиться в этом сумасшедшем ритме — что чаще всего и случалось. И даже когда возвращалась домой пораньше, всё равно часами сидела за ноутбуком. Поэтому она старалась хотя бы час с утра посвятить своему любимому занятию — бегу.

Беготни, конечно, в её жизни хватало. Но этот ритуал был не столько для поддержания формы, сколько для души. Ей нравился сам процесс: когда бежишь — отключаешься от мыслей, от суеты — и можно принадлежать лишь самой себе. Анне Владимировне нравилось бегать одной, но больше ей нравилось бегать с дочерью. Как-то в четырнадцать Саша сама изъявила желание составить маме компанию и с тех пор старалась не пропускать их общие пробежки.

Вот и сегодня Александра проснулась пораньше. Мама встретила её в коридоре и одобрительно улыбнулась. Они надели кроссовки, накинули лёгкие ветровки и молча вышли из квартиры.

В то утро они бежали знакомым маршрутом — через сквер, вдоль набережной и обратно через парк. Мама держала ровный темп, Саша не отставала. Дыхание в унисон, шаг в шаг.

В конце пути, в старом парке, Саша немного сбавила темп. Здесь, на центральной аллее, в два ровных ряда стояли деревья, как на подбор, — старые липы, посаженные, наверное, ещё полвека назад. Их кроны смыкались над головой, образуя длинную зелёную арку, и утренний свет, пробиваясь сквозь листву, рисовал на асфальте дрожащие пятна. Пахло влажной землёй и прелыми листьями — не густо, а так, едва уловимо, как всегда бывает в конце августа.

За две недели в деревне она успела отвыкнуть от этого парка и теперь смотрела на него свежим взглядом. В зелёных кронах кое-где уже проступили жёлтые прядки. Совсем немного — отдельные ветки, тронутые первой осенней сединой. Солнце подсветило их, и они загорелись золотом на фоне тёмной листвы.

— Мам, смотри, — выдохнула Саша, останавливаясь.

Мама замерла рядом, переводя дыхание. Несколько секунд они просто стояли и смотрели на этот длинный сводчатый коридор, уходящий вдаль.

— Надо же, — с восхищением произнесла Анна Владимировна. — Как же красиво! Уже осень...

— Мамочка, прости меня, — вдруг тихо сказала Саша.

— За что? — спросила та, не понимая, о чём идёт речь.

— Я была резка с тобой тогда... Утром... Когда убегала рисовать, — ответила девушка и виновато посмотрела матери в глаза.

— Ах вот что ты вспомнила, — без капли иронии улыбнулась Анна Владимировна и жестом предложила идти дальше пешком. — Я не обижаюсь. Я понимаю. Знаешь, и ты нас прости... — произнесла она и замолчала.

Саша слегка опешила. Маме вдруг захотелось объяснить дочери принятое решение о выбранной для неё профессии — своими словами, которые она так долго держала в себе и которые не давали ей покоя. Ей хотелось выразить свои мысли как можно проще, понятнее, без казённых фраз и папиных формулировок.

Может, виной тому был этот тихий парк, эти жёлтые прядки в кронах, это редкое утро, когда они с дочерью были только вдвоём и никуда не спешили.

— Сашенька, — продолжила она. — Я понимаю твоё рвение к рисованию. И у тебя это очень хорошо получается. Просто художник — это сложно и очень рискованно. Ты наша единственная доченька, и мы с папой хотим для тебя только самого лучшего. Жизнь впереди длинная, а мы не вечные...

— Мамочка, ну что ты такое говоришь, — прервала её Саша. — Не переживай. Всё хорошо. Возможно, вы правы, и мне понравится архитектура. Но я не могу не рисовать. И не брошу. Я так решила. Я лишь прошу меня понять... Я продолжу хорошо учиться. Я буду очень стараться. Только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.